

Ли Чжао покинула резиденцию генерала ещё до наступления темноты, преодолев все препятствия, что Чжоу Чжоу, под предлогом тренировки, расставил на её пути. Пробившись сквозь ряды армии семьи Чжоу, она наконец вернулась в резиденцию Гуаньцина в самый момент, когда последний свет угас.

У входа она столкнулась с Вэй Цзинлинь, которую Цао Мань в очередной раз пригласил на пир. От неё Ли Чжао узнала, что Дева Цзюнь в кабинете и в весьма скверном расположении духа.

Не зная о событиях на горе Перо Феникса, Ли Чжао решила, что та беспокоится о своих товарищах. Она подумала, что после разрешения дел на заставе Вэйлин стоит съездить с ней навестить их. Чтобы развеять её тоску, Ли Чжао стала перебирать в памяти забавные случаи. Вспомнив, как её брат не раз пытался её ограбить, но всякий раз терпел неудачу, она сама рассмеялась. Оттого голос её, когда она позвала Деву Цзюнь, прозвучал радостно и звонко.

Однако она не была настолько глупа, чтобы не понимать: сейчас не время для веселья. Быстро притихнув, она похлопала себя по щекам, чтобы успокоиться, и лишь потом тихо постучала трижды.

Ответа не последовало, дверь не открылась. Ли Чжао нахмурилась, собираясь постучать снова, но вдруг замерла.

Может, Дева Цзюнь заснула?

Решив, что так оно и есть, она опустила руку и застыла на пороге. Холодный ветер развеял её возбуждение, окутав тело лёгкой дрожью. Прильнув к двери, она прислушалась, брови её сжались от беспокойства.

Неловкость ситуации заключалась в том, что дверь в этот самый момент открылась.

Застигнутая врасплох, Ли Чжао мгновенно покраснела. Неловко опустив руку, она повернулась к Деве Цзюнь, лицо которой оставалось бесстрастным, и нервно засмеялась.

— Входи, — сказала Вань Цзюнь. Она собиралась спросить, как долго та стояла у двери, но, вспомнив, что перед ней Ли Чжао, поняла: ответ очевиден.

Шаги её были лёгкими и почти бесшумными.

Войдя в комнату и закрыв дверь, Ли Чжао, всё ещё ощущая жар на лице от смущения, наконец почувствовала, как её пробирает дрожь от резкой смены температуры.

Увидев это, Вань Цзюнь, не имея под рукой согревающих снадобий, налила ей чашку чая — тёплого, но не горячего. Правда, она на мгновение забыла, что Ли Чжао может согреться с помощью внутренней энергии.

Осторожно приняв чашку, Ли Чжао, уже начавшая циркулировать ци, чтобы прогнать холод, всё же послушно выпила чай до дна. Глаза её постепенно привыкли к темноте, и она заметила разбитый фарфоровый сосуд, а также рану на руке Девы Цзюнь.

— Дева Цзюнь, ваша рука...

Вань Цзюнь рассеянно взглянула на царапину на пальце.

— Ничего страшного, не обращай внимания. Ты искала меня, чтобы о чём-то поговорить?

— Э-э... — Рассказывать о проделках брата теперь было бы неуместно, но Ли Чжао не знала, что ещё сказать, и потому просто поведала о том, что видела. — Дева Вэй поспешно покинула резиденцию, сказав, что отправляется на пир к Цао Маню.

Едва она закончила, как почувствовала на себе взгляд Девы Цзюнь — холодный, как всегда, но, кажется, с оттенком чего-то ещё?

Ли Чжао отвела глаза, не решаясь копать глубже, и задумалась, что бы ещё сказать.

— Ты думаешь, это может быть связано с делом послов? — прежде чем она успела открыть рот, раздался звонкий голос.

Ли Чжао неуверенно кивнула.

Увидев это, Вань Цзюнь поняла, что та, вероятно, просто поддакивает ей. Но независимо от мыслей Ли Чжао, сейчас ей нужно было действовать быстро, чтобы как можно скорее разобраться с этим делом и отправиться на Снежную гору.

Хотя в письме, оставленном старшей сестрой, говорилось, что она будет ждать её на горе, прошлые события не давали покоя.

— Я пойду посмотрю, — бросила она, взяла меч Цинсюэ, прислонённый к стене, и, открыв дверь, взмыла в воздух, словно ласточка.

— Дева Цзюнь... — невольно позвала Ли Чжао, а затем быстро сделала глоток вина, принесённого из резиденции генерала. Внутренняя энергия обвила её ноги, она резко оттолкнулась от земли — и помчалась вслед, словно стрела.

***

Ветер поздней осени был «освежающим». Уличные торговцы уже разошлись по домам, и обычно оживлённый ночной рынок сегодня закрылся рано. Фонари у дверей домов горели редкими точками, покачиваясь на ветру, словно зазывая духов.

Порывистый ветер сорвал последние листья с деревьев, унося их к полной луне. Листья на мгновение закрыли её, и в эту ночь она скрылась из виду.

Небо затянулось тучами.

Улицы опустели, но в квартале Юйюй, расположенном неподалёку, всё ещё горел свет, и, казалось, там начался пожар. На огромном корабле царил хаос.

Вэй Цзинлинь, Чжоу Чжоу и Цао Мань покинули пир и поспешили к месту возгорания. К счастью, квартал Юйюй находился в центре озера, и потушить огонь было не так сложно, поэтому серьёзных последствий удалось избежать.

Однако чиновники доложили, что погибло двое, а послы Гуцзи и Бэйянь уже готовы были схватиться в бою.

Цао Мань и его спутники немедленно ворвались в Павильон Ихуэй, где произошло происшествие.

Едва войдя, Цао Мань чуть не лишился головы — если бы Чжоу Чжоу вовремя не оттащил его в сторону. Даже несмотря на то, что это был лишь ложный выпад, он был настолько напуган, что

не смог сдержать дрожь в уголках рта, а его усы, чуть не срезанные, торчали во все стороны. К счастью, как опытный чиновник, он не показал своей растерянности.

Послов Гуцзи было трое, хотя изначально их было пятеро — двое погибли. Оставшиеся трое, вооружённые двумя крючковатыми мечами — характерным для Гуцзи оружием, — выглядели угрожающе.

Гуцзийцы любили обматывать голову платками, носили узкие рукава и широкие халаты желтоватого цвета с вышитыми на спине орлами, обувались в сапоги с загнутыми носками, подпоясывались кожаными ремнями, украшенными несколькими изящными кинжалами, предпочитали усы и косы. На шее у их предводителя висело «зубное ожерелье» — символ статуса в Гуцзи, состоящий из двух звериных клыков и монеты; чем больше клыки, тем выше статус.

Когда хозяева прибыли, гости прекратили бой, хотя оружие всё ещё было наготове.

Им противостояли семеро из Бэйянь, все женщины. Их предводительницей была невероятно красивая женщина с пленительной внешностью, блестящими глазами и родинкой на губе, добавлявшей ей очарования. Однако улыбка её была холодной.

Из-за постоянных холодов в Бэйянь одежда была преимущественно из меха, даже самые тонкие наряды имели меховую отделку на воротнике.

Поскольку жители Бэйянь не любили широкие одежды, их верхняя одежда была облегающей и длиной до икр, без передников, а под ней чаще всего носили плотные жилеты. На ногах они носили круглоносые сапоги, украшенные перьями.

Кроме того, женщины Бэйянь предпочитали украшения из белого нефрита, а их предводительница носила единственную серьгу с красной жемчужиной.

Что касается оружия, то в основном это были прямые мечи, похожие на клинки, но немного шире обычных, с закруглённым кончиком и заточенными с обеих сторон лезвиями.

Поскольку противник прекратил бой, представители Бэйянь, не любившие конфликтов, тоже убрали оружие, тем самым уступив гуцзийцам.

Предводитель Гуцзи прищурился, произнёс несколько слов на своём языке, и все трое убрали крючковатые мечи.

Затем взгляды послов обеих стран устремились на Цао Маня.

— Цяньский чиновник, вы как раз вовремя, — на ломаном языке Тяньюань заговорил гуцзиец.
— У нас снова погибли люди, и мы требуем объяснений.

— Конечно, конечно, — Цао Мань наконец нашёл в себе силы улыбнуться и согласиться, затем повернулся к представителям Бэйянь. — Осмелюсь спросить, почему посол Жу Янь также здесь?

Это место было резиденцией послов Гуцзи, а жилище бэйяньцев находилось довольно далеко. К тому же после того, как вчера гуцзийцы нашли на телах погибших предметы, принадлежащие Бэйянь, отношения между сторонами стали крайне напряжёнными. Вряд ли они пришли тушить пожар.

Жу Янь устремила на Цао Маня мягкий взгляд. Она улыбнулась и ответила:

— Разве не вы, господин Цао, пригласили нас сюда?

Эти слова заставили улыбку Цао Маня застыть. Он недоумённо спросил:

— Когда же я приглашал вас в резиденцию послов Гуцзи?

Ответа не последовало. Жу Янь лишь бросила ему письмо.

Он поймал его, открыл и, прочитав, ещё больше запутался.

Согласно письму, он, Цао Мань, нашёл виновных в деле послов и пригласил представителей Бэйянь, Цзюэма и Лоюэ в Павильон Ихуэй. Но почерк в письме был не его, мелкий и аккуратный, словно принадлежал женщине...

Может, это бэйяньцы пытаются свалить вину на него? Цао Мань подумал об этом, но не поверил.

— Это письмо не моё, но я пока не могу определить, кто его написал. Давайте сначала вызовем следователя для осмотра тел.

С этими словами он махнул рукой, приказав своим подчинённым вызвать следователя.

<http://bllate.org/book/16264/1463816>